

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ФАЗЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СМЫСЛОГЕНЕЗЕ

Читатель, знакомый с немецкой традицией, видя перед собой «горизонт ожидания», настраивается на обстоятельную и мудрую словесную лаву, неспешно, но неуклонно движимую к намеченной цели – чтобы ее достигнуть: нигде нет такого количества романов совсем незаконченных или законченных как будто вчерне, кое-как, наспех, условно – несоответственно грандиозному замыслу. Но замысел – при всей возможной неотделанности деталей – все равно впечатляет. Безглавый кельнский собор. Величавая отвлеченность органа. Монументальность всеобъемлющего трактата. Вот что такое немецкая проза от Гете до Томаса Манна.

Однако искусство, в том числе искусство слова, существует, среди прочего, для того, чтобы разрушать привычные стереотипы.

Время от времени появляются на немецком языке произведения совсем иного рода. И предмет вроде бы пустячный – так, повседневность какая-нибудь, мелочь и сор обыденной жизни, и слова-то простенькие, без зазыва туманных глубин («замарашки», как говорил хорошо знавший им цену Рильке) а все вместе – магия, ворожба, музыка, плен или как еще назвать очарование подлинного искусства.

Видимо, не случайно, что такая негромкая, скромная, но внутренней тишиной своей пронзительная проза почти всегда возникала на окраинах немецкоязычного ареала – где-нибудь на северном побережье (Шторм), в швабском захолустье (Мерике), австрийских Альпах (Бахман) или швейцарской глухомани (Вальзер), то есть там, где сильны еще патриархальные устои и круг ценностей был попроще.

Крупнейшим мастером такой, «провинциальной», прозы в швейцарской литературе прошлого века был Роберт Вальзер (1878-1956). Его роман «Помощник» – пожалуй, самая незатейливая и прозаичная книга Вальзера. Действие романа вполне традиционно и представляет собой распространенную модель краха предпринимателя и заката буржуазной семьи («Будденброки» Томаса Манна и др.). Иронический повествовательный тон внедряется в зазор между видимостью, кажимостью и действительностью, реальностью. Особняк, в ко-

тором совершается ложно значительная деятельность, становится символом увядания, заката. Бессмысленность труда в мире отчуждения – вот что стоит за мнимой кипучестью пустого действия. Не призрачна, не химерична здесь только еда.

Проза Вальзера как нельзя лучше вписывается в основную тональность искусства начала века. Ведь начало прошлого века совпало с юношеской экзальтацией культуры в годы напряженного предгрозового кануна первой мировой войны. Смутные чаяния, порывы, метания и терзания юных душ, смущенных и возмущенных бездушием поджидавшей их жизни, воплощали Тонио Крегер Томаса Манна, Петер Каменцинд Гессе, Терлесс Музиля, Эвальд Траги Рильке, которым вторили их французские, английские, русские ровесники – герои Пруста, Джойса, Бунина, Сологуба.

К уловленному романтизмом кризису жизни, испытанному другим поколением европейских юношей около ста лет назад, теперь добавился и кризис культуры, выразившийся, в частности, в несколько судорожных, лихорадочных поисках нового выразительного языка, в самой настойчивой постановке проблемы средств выражения. Искусство было охвачено зудом саморефлексии, оно словно бы обернулось на самое себя, стало ловить свой собственный хвост. Появились писатели, которые стали творить, исходя больше из стихии самого языка, а не из стихии жизни. Стихии очень музыкальной, особенно в той ее части, которая была связана с Австрией. Философия «нового языка» И.Бахман была философией этого языка в его музыкальности. Это нашло отражение в стихах писательницы, оставляющих впечатление омывающих человека, обратившегося к ним, потоков горной реки – серебрящихся, сверкающих бликами в потоках солнечного света, но даже в названиях ее философских эссе: «Музыка и поэзия», «Колдовская музыка», где прослеживается формирование собственных представлений Бахман по вопросам, уже сформулированным философами-экзистенциалистами во главе с М.Хайдеггером. Интересовавшие экзистенциалистов проблемы человеческого бытия переносятся художником слова в языковой план, где и осуществляется попытка решения их, цель которой – удовлетворить сформулированному Л.Витгенштейном требованию нового языка. Попытка удачная, несомненно, ибо язык писательницы – явление совершенно необычное, и представление об этом дают даже немногие переводы ее прозы. Одним из

примеров того, как в творчестве писательницы преломляются проблемы, поднятые философами-экзистенциалистами (М.Хайдеггером, например, в его «Письме о гуманизме»), является новелла «Синхронно» (1972) из одноименного сборника писательницы. Анализ новеллы позволяет сделать выводы о многоплановости понятия «язык», различных уровнях его. Язык осмысливается в новелле прежде всего как воплощение связи человека с его родиной – духовной, культурной, географической, наконец, как средство межчеловеческих взаимоотношений, как средство самопознания, самовыражения, что требует его высоко этического и эстетического наполнения.

Решение языковой проблемы в романе «Малина» подсказывает основные категории философии человеческого бытия в языке: дома, свободы, любви, единства человеческой сути, страха как двигателя человеческих эмоций, вины и безвинности. Основной среди перечисленных является понятие и аналогичная ему категория свободы. Может быть, не желая ущемить ее, Бахман не дает четкого определения даже в своей диссертации «Критическое восприятие философии экзистенциализма М.Хайдеггера», защищенной в 1950 году. Но можно приблизиться к нему, анализируя переработку писательницей представлений о свободе Хайдеггера, Камю, Фромма. По мнению первого, она заключается в следующем: «На место достоверности спасения как мерила всякой истины человек полагает такую достоверность, в силу которой и внутри которой он сам удостоверяется в себе как в сущем, опирающемся таким путем на самого себя. Освобождение от данной в откровении достоверности спасения отдельной бессмертной души есть вместе освобождение для такой достоверности, в опоре на которую человек сам получает возможность обеспечить себя предназначением и задачей» 1. Понятие свободы, следовательно, носит религиозный, а значит, иррациональный характер. И.Бахман так толкует Хайдеггера: «... он хочет определить сущность бытия не в смысле имеющегося свойства, а в смысле возможного для него образа бытия» 2. Поэтому сущность ее концепции свободы вполне может быть выражена в следующем высказывании: «Человек безсущностный, который в своей основе есть не что иное, как возможность, не имеет ядра, возвращаясь к которому он мог бы руководить собой в жизни. Для него, следовательно, не может быть и Бога, ибо в религиозном отношении Я являюсь Богу тем, что Я есть» 3.

Процесс решения проблем, формулируемых Гегелем, Шерером, Хайдеггером, можно пронаблюдать, обратившись к новелле «О, эти счастливые глаза» и роману «Случай Францы». Решение это, как видится, также отыскивается в плане ирреального. Имеется в виду проблема перехода в свободное отношение к смерти, о котором писал Шерер и к которому приходили героини Бахман. Однако, определение смерти как возможности бытия, не вызывает желания согласиться с ним, это, скорее, «смертельная игра мышления, которая ведет от ясности в отношении собственного существования к бегству с этого света», как сказал Альбер Камю в своем «Эссе об абсурде».

В одном из своих интервью Бахман рассказывала о своем путешествии в Египет в 1964 году. Думается, оно было предпринято специально для того, чтобы стала ясней природа ее философии, отличной от всего европейского.

Мысли Бахман в романе «Случай Францы» и новелле «Три дороги к озеру» сосредоточены на принятой ею экзистенциальной проблеме инцеста. Попытка ее решения есть одновременно попытка осуществления идеала о гармоничном единстве человеческой сути, преодоления разделения на мужское и женское, разум и чувство, мышление и говорение, полуправду и полужошь. Аналогичная категория берет свое начало в тезисе Витгенштейна о языковой игре с необратимыми правилами. Витгенштейн видел решение проблемы истинности в снятии ее. Бахман представляется, что рамки и немецкоязычной, и европейской традиции мышления не дают полной свободы на пути к идеалу. Почему Бахман и обращается к Востоку с его религией, образом мысли, близостью к природе, наконец. Решение Бахман видит в синтезе, единстве европейского и восточного образа жизни, в слове, идеалах, мысли.

К тайнам Востока прикоснулся и автор известных во всем мире романов «Степной волк» и «Игра в бисер» (Нобелевская премия 1946), когда жил в Индии вместе с родителями-миссионерами. Любовь и уважение к восточным верованиям писатель сохранил в течении всей жизни и творчества. Своего рода остановкой на дороге этой любви послужила индийская поэма Германа Гессе «Сиддхартха». Искренность и простота этой небольшой повести наряду с важностью вопросов, поставленных в ней, привели к тому, что «Сиддхартха» завоевала популярность не только на Западе, но и на Востоке...

Воинствующий пацифизм Гессе в годы первой мировой войны также достоин любования, но не все были на него способны. Возвращаясь в Роберту Вальзеру, с которого начали, добавим, что он этого пацифизма Гессе не разделял, потому что, как он признается в письме к Гессе, не верит в то, что мир могут изменить «сто тысяч Гамлетов». Это не мешает ему, впрочем, высказать свою точку зрения на шовинизм и милитаризм со всей прямоотой и резкостью (очерк «Баста»).

Двадцатый век уже закончился, и он заставил пересмотреть многие литературные репутации. В последнее время заметно выросли в цене как раз «певцы природа», отношение к которым долгое время было скорее снисходительное: есть же, мол, чудачки, что в наш динамичный век воспевают роши и кущи, проповедуют какую-то слащавую любовь к былинкам и букашкам. Как вдруг выяснилось: превращать природу в мастерскую по рецепту тургеневского нигилиста Базарова означает толкнуть человечество на путь самоубийства. Охрана природы, экология стала важнейшей проблемой и планетарной заботой. А чуткие к этой заботе писатели недавнего прошлого, такие, как упомянуты нами И.Бахман, Г.Гессе, Р.Вальзер, наш К.Пришвин, перестали казаться наивными чудачками — их чудачество оказалось прозорливым и мудрым. А их творчество — посильный литературе заслон на пути бесноватых пособников новой катастрофы, грозящей миру. В обуреваемом жаждой наживы обществе все громче раздаются голоса, призывающие одуматься, вспомнить о ценностях, которые не стоят ни гроша, но ради которых только и стоит жить. Эти ценности — духовные, они в наслаждении искусством, в созерцании природы, в тяжком, но радостном труде самосовершенствования, в раскрытии творческого потенциала, в роскоши человеческого общения. Да, да, те самые, стародавние ценности, о которых веками твердили мудрецы всех стран, в особенности восточных. Как вдруг кто-то напоминает, что за такой мудростью вовсе не надо ходить далеко, не обязательно совершать «Паломничество в страну Востока» (так назвал Гессе свою известную повесть).

Бунт против идеалов и порядков своей страны — Германии, Австрии, Швейцарии, Англии — под расплывчатыми флагами возврата к естественности и природе, нашел своих пророков в своей родной литературе — в лице Германа Гессе, Ингеборг Бахман, Роберта Вальзера, Джеймса Джойса. У ли-

тераторов многое найдется поведать – о человеке, о жизни, об искусстве, но все по-настоящему важное литература доносит, не «рассказывая историю» и не «вкладывая идейное содержание», а уже самую свою формой, письмом, способом речи – тем, как все говорится. «Помощником» называется роман Вальзера, и в этом названии можно увидеть программу. Быть помощником, скромным слугой, утешающим тех, кому он служит, – в этом Вальзер видел свое назначение и человека, и литератора. Скажем прямо: эта роль бесконечно далека от какого-то социального реформаторства, от каких-либо попыток переделки мира. Но в условиях затхлой, шелестящей купюрами, дышащей на золото Швейцарии и такая подчеркнуто скромная роль является вызовом и протестом. Пощечиной общественному вкусу, может быть, более звонкой, чем скандальные выходки дадаистов.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Вопросы философии. – 1988. – №9.
2. Bachmann I. Die kritische Aufnahme der Existentialphilosophie Martin Heideggers. – München, 1985. S. 156.
3. Там же.

А.И. Павловский АБСТРАКТНОЕ МЫШЛЕНИЕ: ПРЕДЕЛЫ ПОНИМАНИЯ

Правда всегда несет в себе двусмысленность тех слов, которыми ее выражают.

Фрэнк Херберт.

И я просто ассоциирую имена с ощущениями и пользуюсь ими при описании.

Людвиг Витгенштейн.

Человеческое представление конкретно, и этим полагается предел непосредственному пониманию.

О пределах понимания написано и сказано очень много. В центре внимания этой статьи лишь один из них, тот, который возникает из-за некоторых особенностей языковой игры и связан с использованием нами в процессах обмена информацией слов, обозначающих более чем один объект. Я имею в виду механизмы оперирования родовыми понятиями.